

Андрей Григорьевич Шкуро
Записки белого партизана
Серия «Путь русского офицера»

текст предоставлен издательством "Вече"
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16899261
А.Г. Шкуро. Записки белого партизана: Вече; Москва; 2013
ISBN 978-5-4444-0542-0, 978-5-4444-8271-1

Аннотация

Андрей Григорьевич Шкуро был из той категории людей, которых Гражданская война сделала знаменитыми и кого по сей день называют авантюристами. Свое призвание автор записок нашел на войне. Он был лихим партизанским командиром уже в годы Первой мировой войны, но греметь его имя стало в годы Гражданской. В эмиграции генерал-лейтенант Шкуро продолжал оставаться непримиримым врагом большевизма, что обусловило его сотрудничество с немцами в годы Второй мировой войны.

На страницах книги автор захватывающе рассказывает о своем детстве, учебе, о службе в годы Первой мировой войны и о кровопролитных боях периода Гражданской войны.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	25
Глава 8	30
Глава 9	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

А.Г. Шкуро
Записки белого партизана

© Оформление. ООО «Издательство «Вече», 2013

Глава 1

Детство. – Кадетские годы. – «Кадетский бунт». – Военное училище. – Первые годы офицерской службы. – Персидский поход. – Узарная жизнь в Екатеринодаре. – Женильба. – Экспедиция в Нерченский округ. – Мобилизация. – Возвращение в Екатеринодар.

Я родился в городе Екатеринодаре 7 февраля 1886 г. Мой отец, Григорий Федорович, происходил из зажиточных кубанских казаков станицы Пашковской (под Екатеринодаром). Он учился в Ставропольском коммерческом училище. Отец мой принимал участие, в качестве простого казака, в войне 1877–1878 гг.; затем, уже в качестве офицера, в Ахал-Текинской экспедиции 1881 г. и в многочисленных экспедициях в горы против немирных горцев. Он был сильно искалечен; впоследствии дослужился до чина полковника и в этом чине вышел в отставку.

В то время, когда я появился на свет, он был подъесаулом и служил в 1-м Екатеринодарском казачьем полку. Мать моя, Анастасия Андреевна, также уроженка Кубанской области, была дочерью священника. Мое раннее детство протекло в станице Пашковской, где я проводил время в оживленных играх и ожесточенных сражениях с одностаничниками-казачатами, доставляя немало огорчений своей матери, не успевавшей чинить мою вечно изорванную одежду. Когда мне минуло 8 лет, меня отдали в станичную школу, а затем, когда я усвоил начала грамоты, отвезли в Екатеринодар, в подготовительный класс Александровского реального училища.

Мне было 10 лет, когда меня с другими казачатами отправили в Москву, в 3-й Московский кадетский корпус, куда я поступил казеннокоштным воспитанником, то есть жил безвыходно в корпусе, на полном казенном иждивении. Кадетские годы были счастливой порой моей жизни; науки мне давались легко, со своими однокашниками жил я дружно, проказы наши были разнообразны и веселы, – вообще жилось хорошо и годы летели быстро. Уже будучи в последних классах, я сдружился со своим одноклассником, сыном капитана Петровского, смотрителя зданий корпуса, и стал по праздникам ходить в отпуск в их семью. Учился я или очень хорошо, или весьма плохо – середины не было; все зависело от того, чем в данное время была занята моя голова. Я обладал чрезвычайной живостью воображения, и, если увлекался какой-нибудь идеей или интересной книжкой, учение шло к черту. Свои досуги мы проводили в саду корпуса, куда приходили барышни, большей частью дочери наших воспитателей и педагогов, за которыми мы усиленно ухаживали.

Нашим воспитателем был, внушавший нам глубокое уважение, суровый по внешности, но гуманный и добрый подполковник Стравинский. Он был олицетворением чувства долга и всеми силами старался передать нам это свое качество. Директором корпуса был в то время генерал Ферсман, которого мы очень не любили, так же, как и ротного командира 1-й роты, полковника Королькова.

Осенью 1905 г., когда я был уже в 7-м классе, произошел так называемый «кадетский бунт», произведший большой переполох в Военном министерстве, где его сочли результатом проникновения революционных идей в военные школы. Общее беспредметное недовольство в обществе, несомненно, бессознательно проникло и в кадетские умы, и мы перешли в оппозицию к начальству, постепенно усиливавшуюся на почве бестактности некоторых педагогов; дело обострилось вопросом о неудовлетворительном качестве подаваемых котлет; началось брожение умов. Я написал обличительные, против начальства, стихи, которые с большим подъемом читал перед однокашниками. 5 октября произошел кадетский бунт. Мы поломали парты и скамейки, побили лампы, разогнали педагогов, разгромили квартиру директора корпуса и бушевали целую ночь. Ввиду слухов, что на усмирение нас вызвана

рота Самогитского гренадерского полка – что нам очень, с другой стороны, польстило, – мы приготовились к вооруженному отпору, но, к счастью, нас предоставили самим себе. К утру наш дух протеста иссяк за отсутствием дальнейших объектов разрушения. Начались репрессии. Главные виновники – 24 человека – в числе которых был и я, предназначались к исключению из корпуса.

В это время приехал в корпус тогдашний главный начальник Военно-учебных заведений, обожаемый всеми нами, покойный ныне, Великий князь Константин Константинович. Расспросив нас как следует, он, однако, пожелал разобраться лично в переживаниях, доведших нас до столь бурных проявлений протеста. Мы устроили Великому князю чай, сервированный самими кадетами, причем пили его из казенных кружек. Затем чистосердечно рассказали князю, как дошли мы до жизни такой; в результате несколько воспитателей и педагогов были уволены, а кара, грозившая кадетам, смягчена – через месяц после исключения мы были амнистированы и снова приняты в корпус.

Подвергнувшись временному остракизму, я уехал на родину, где был принят весьма сурово моим родителем, обзывавшим меня «бунтарщиком». Эта катастрофа, окончившаяся, впрочем, благополучно, принудила меня, однако, пересмотреть всю линию моего поведения. Моей заветной мечтой было попасть в Николаевское кавалерийское училище; для этого нужно было иметь не менее девяти баллов по наукам и восьми за поведение; мои же успехи, как в том, так и в другом, оценивались значительно ниже. Я принялся с рвением за учение, окончил корпус достаточно успешно и был принят в Николаевское кавалерийское училище, в его казачью сотню.

Начальником «Славной школы» был в то время генерал де Витт, а командиром казачьей сотни – войсковой старшина Пешков, забайкальский казак, совершивший в свое время, в чине сотника, свой знаменитый конский пробег, не сменяя лошади, из Владивостока в Петербург. Это было единственное, что он сделал путного в своей жизни. Сменным офицером был донской казак, есаул гвардии Леонид Иванович Соколов. В сотне, вместе со мной, было много кубанских казаков. С драгунами и особенно с донцами мы жили дружно. Моим лучшим другом был юнкер Заозерский, впоследствии трагически погибший во время автомобильной катастрофы под Москвой, когда он ехал на свою свадьбу.

Я ходил в отпуск к служившему в Главном артиллерийском управлении генералу Скрябину, который любил окружать себя военной молодежью и которому нравилась наша веселость и жизнерадостность. У него был сын кадет, мальчик лет пятнадцати. Его отсылали обыкновенно спать часов в 9; мы же, юнкера, оставались ужинать и при этом частенько изрядно выпивали, не выходя, однако, из пределов приличия, чтобы не шокировать гостеприимного и любезного хозяина.

Учился я в училище хорошо, хотя по-прежнему отличался некоторой супротивностью начальству. Очень увлекался верховой ездой, в особенности джигитовкой. На старшем курсе я был произведен в портупей-юнкера, но недолго проносил заветные нашивки; выпив как-то раз вместе с друзьями несколько неумеренно, я был замечен в этом дежурным офицером. В результате меня разжаловали из портупей-юнкеров. Любопытно, что записавшим меня дежурным офицером был сотник Складов, доблестно командовавший впоследствии одной из бригад в моем корпусе. В мае 1907 г. состоялось мое производство в офицеры. Вновь производимые юнкера были вызваны в Петергоф, где мы получили приказы о нашем производстве из собственных рук Государя Императора, который произвел на меня тогда обаятельное впечатление. Я был выпущен в 1-й Уманский бригадира Головатова казачий полк своего родного Кубанского казачьего войска, стоявший в крепости Карс. Нужно ли рассказывать, какое гомерическое пьянство устроили мы в Петербурге, впрыскивая свои новенькие эполеты? Без копейки денег в кармане явился я в Екатеринодар, в отчий дом. Папаша мой, вообще человек достаточно прижимистый насчет монеты, на этот раз расщедрился и

экипировал меня в полк на славу. Кроме хорошего обмундирования и вооружения, я получил пару превосходных коней, сослуживших мне впоследствии большую службу.

В начале августа 1907 г. я отправился в Карс, к своему новому месту служения. 1-й Уманский полк был первоочередным полком; он весьма отличился в недавней еще в то время Японской кампании и считался лучшей и славнейшей частью Кубанского войска. Командиром полка состоял генерал Акулов. Он требовал работы от своих подчиненных, а также постоянной тренировки в поле. Мы, молодые офицеры, чрезвычайно напрактиковались в джигитовке, скачке с препятствиями и рубке с коня; также обращал внимание командир и на развитие военных знаний у офицеров: постоянно читались лекции, доклады, рефераты. Частенько устраивались большие охоты на водившихся в тех краях кабанов. Офицерство жило дружной семьей, традиции товарищества свято хранились в полку.

Однако мне недолго пришлось побыть в полку – вскоре последовал вызов охотников в экспедицию. Должны были быть отправлены в Персию две сводных сотни для борьбы с разбойничьим племенем шахсеван, грабившим караваны и нередко нарушавшим нашу границу между Джульфю и Нахичеванью. Мы вели с шахсеванами мелкую войну, с постоянными стычками, набегами, преследованиями контрабандистов; нужно было быть постоянно начеку, опасаясь засад и всякого рода вероломства. Потери наши, правда, не были особенно велики, но жизнь была больше чем беспокойной. Во время этой экспедиции я заработал свою первую награду – Станислава 3-й степени.

В Персии я пробыл до поздней весны 1908 г., когда состоялся приказ о переводе меня в 1-й Екатеринодарский конный кошевого атамана Захара Чепеги полк, стоявший гарнизоном в Екатеринодаре. После Персидского похода и всех лишений служить в Екатеринодаре показалось мне сплошной масленицей. Служебными обязанностями нас не обременяли. Мы, офицерская молодежь, играли в гвардию, плясали до упаду на балах, ухаживали за барышнями и порядочно пьянствовали. Несмотря на то что папаша давал мне в дополнение к жалованью ежемесячно 200 рублей, – сумму немалую по тогдашней дешевизне жизни, особенно если принять во внимание, что я жил в родительском доме на всем готовом, – мне вечно не хватало денег и я влез в долги.

Угарная жизнь того времени была прервана весьма поучительными и интересными маневрами в районе Минеральных Вод под руководством нашего командира полка полковника Генерального штаба Ягодкина. Во время этих маневров я хорошо изучил Минераловодский район, что впоследствии, во время Гражданской войны, весьма мне пригодилось. Безобразный период моей екатеринодарской жизни ознаменовался для меня несколькими сидениями на гауптвахте и даже однажды вызовом к Наказному атаману – тогда генералу Бабычу – для отеческого внушения. Я, вероятно, кончил бы достаточно плохо, если б в моей жизни не случилось обстоятельство, действующее обыкновенно отрезвляюще, – я влюбился и женился. Жена моя и мой друг детства, Татьяна Сергеевна, была дочерью директора народных училищ Ставропольской губернии Сергея Гавриловича Потапова.

После бракосочетания мы предприняли наше свадебное путешествие за границу – в Берлин и в Бельгию на Всемирную выставку. В Германии я хотел изучить производство пустотелых бетонных кирпичей. Дело это я изучил и применил по возвращении на Кубань и даже выстроил себе три дома, но дальше этого дело у меня не пошло вследствие моей неопытности и непрактичности. Брюссельская Всемирная выставка произвела на меня сильное впечатление, но, к сожалению, я не успел ее осмотреть и изучить досконально, ибо она сгорела, причем я принимал самое горячее участие в тщетных попытках тушения ее грандиозного пожара.

По возвращении из свадебного путешествия мы зажили с женой спокойной, чисто буржуазной жизнью. В 1913 г. я должен был быть спущенным на льготу; мне предстояло четыре года числиться во второочередном полку в полной бездеятельности – и в то же время быть

привязанным к штаб-квартире полка. Строго говоря, полка и не существовало, был лишь штаб его. Эта перспектива стеснения свободы и длительного ничегонеделания мне, человеку энергичному и подвижному, казалась невыносимой. Я надумал ехать в Восточную Сибирь, в Нерчинский округ, где Кабинетом Его Величества организовывалась интересная экспедиция для отыскивания и нанесения на карту золотоносных месторождений. Я взял отпуск из полка и отправился в Читу, где мне было поручено организовать военную часть намеченной экспедиции. Горячо принялся я за дело, но в это время телеграф принес известие о начавшейся, в связи с австро-сербским конфликтом, мобилизации Русской армии, и я, бросив все, поспешил обратно в Екатеринодар.

Глава 2

Война 1914 года. – Назначение в 3-й Хоперский полк, отправляющийся на Галицийский фронт. – Бои под Тарнавой, Сенявой и Ивангородом. – Преследование австрийцев на Кельцы и Радом. – Ранение в ногу в декабре 1914 года.

Когда я приехал в Екатеринодар, то не застал своего полка, уже ушедшего на фронт, и был назначен, сверх комплекта, в 3-й Хоперский полк младшим офицером. Полк этот, вошедший в состав 3-го Кавказского армейского корпуса, отправлялся на Галицийский фронт. Корпусом командовал доблестный генерал Ирманов (Ирман) – герой Порт-Артура, командовавший впоследствии, во время Гражданской войны, у меня в корпусе бригадой. Мы поехали по железной дороге до Ивангорода, куда прибыли в начале августа; отсюда мы были направлены к Тарнове, к которой подошли в самый разгар боя.

Без мостков, в чистом поле, выпрыгнули казаки верхом из вагонов. С места, в конном строю, помчались они в конную атаку на немецкую гвардию и австрийскую пехоту. Пролетая карьером, я видел, как наши славные апшеронцы, выскакивая из вагонов со штыками наперевес, в свою очередь бросались в атаку. Мы бешено врубались в неприятельские цепи. Казаки дрались, как черти, нанося страшные удары.

Неприятель не выдержал, побежал. Далее последовала картина разгрома вдребезги. Мы пустились в преследование, забирая массу пленных. Гнали в глубь Галиции до замка графа Потоцкого близ Сенявы. Через реку Сан переправились вплавь на конях. Под Сенявой я, командуя взводом в составе 17 шашек, в разъезде, встретился внезапно с эскадронам гвардейских гусар. Мы заметили их прежде, так как были в лесу, а они в поле; я выскочил на них с гиком, но они, в свою очередь, пошли в атаку. Мы сбили их, взяли в плен двух офицеров, 48 гусар и два исправных пулемета. За это дело я получил заветную «клюкву» – Св. Анну 4-й степени на шашку, с красным темляком.

Во время боев под Ивангородом, где 3-й Кавказский корпус, вместе с гвардией, дрался не на живот, а на смерть, отражая бешеные атаки немцев и неся громадные потери от огня германской тяжелой артиллерии, наш полк, вместе с конями, тоже стоял в окопах. Особенно сильный бой происходил 5 октября; наши части выбивались из сил. Ирманов обходил полк и просил продержаться до утра, когда ожидался подход Гренадерского корпуса. Под утро я вышел на рекогносцировку и обнаружил, что немцы отходят. Велика была наша радость! Если б они атаковали нас еще раз, мы погибли бы, так как гренадеры сильно запоздали. Во время Ивангородских боев наш полк сильно поредел; в числе прочих было убито два сотенных командира – подьесаул Амилахвари и сотник Положецев. Я тоже был контужен в голову и пролежал дней десять в госпитале.

Затем я вступил в командование 5-й сотней и на меня была возложена задача преследовать отступающих австрийцев. Я «висел» на них, не отпуская их ни на минуту. Ночью обстреливал, днем, пользуясь всякой складкой местности, делал засады, бросался в шашки. Оторванные от своих, мы попали наконец в какую-то жуткую свалку, где наши и австрийцы были совершенно перемешаны. Неожиданно мы вышли к окруженной австрийцами 21-й дивизии генерала Мехмандарова и присоединились к ней. Мехмандаров приказал мне постараться войти в связь с нашими войсками.

Внезапной конной атакой я разбил и взял в плен две роты австрийцев, и 21-я дивизия соединилась с одним из наших корпусов, в свою очередь окружавших австрийцев. Началось форменное их избиение. Мне казаки приводили каждый по 200–250 пленных. Мы преследовали врага в направлении на Кельцы, занятые австрийцами, которые, при приближении

наших разъездов, бросили город, оставив громадную добычу и значительное количество пленных.

В начале ноября под Радомом я, вместе с донцами, взял много пленных, орудия, пулеметы и получил за это Георгиевское оружие. Весь остаток 1914 г. мы метались по Галиции. В декабре я был ранен ружейной пулей в ногу во время разведки.

Глава 3

Командировка в Луцк. – Возвращение в полк. – Ранение в живот. – Формирование партизанских отрядов. – Представление Государю. – Действие отряда в районе реки Шары. – Постоянные набеги. – Захват штаба германской дивизии.

Я начал прихварывать, ибо сказывалась непрерывная походная жизнь, не дававшая возможности отдохнуть и полечиться от раны и контузий. Ввиду сего командир полка командировал меня в Луцк, где находился конный запас полка и куда поехали к нам пополнения людьми с Кубани. В Луцке я провел февраль и март месяцы. В начале апреля я повел походом в наш полк коней и казаков; по прибытии в полк получил пулеметную команду.

Наша армия отступала с боем по направлению к Брест-Литовску. В июле, в сражении под Таржимехи, когда наш полк шел в пешую атаку, я выскочил со своей пулеметной командой на 500 шагов перед нашей цепью, спешился с коней и открыл сильнейший огонь по немцам; атака наша увенчалась успехом, но я был опять ранен; ружейная пуля ударила в рукоятку кинжала, раздробила ее, пробила мне живот, с одной стороны слегка задела брюшину. Если бы не кинжал, я, конечно, был бы ранен смертельно. Меня эвакуировали в Холм, но через две-три недели я уже снова был на ногах и для дальнейшего лечения отправлен в Екатеринодар. За это дело меня произвели в есаулы.

Возвратившись в полк, я был назначен в полковую канцелярию для приведения в порядок материалов по истории боевой работы полка. Это был период затишья на фронте. В обстановке временного отдыха мне пришла в голову идея формирования партизанского отряда для работы в тылах неприятеля. Дружественное отношение к нам населения, ненавидевшего немцев, лесистая или болотистая местность, наличие в лице казаков хорошего кадра для всякого рода смелых предприятий – все это в сумме, казалось, давало надежду на успех в партизанской работе. Мой полковой командир, доблестный полковник Труфанов, впоследствии вместе с братом зверски убитый большевиками в г. Майкопе, много помог мне своей опытностью и советами. Организация партизанских отрядов мне рисовалась так: каждый полк дивизии отправляет из своего состава 30–40 храбрейших и опытных казаков, из которых организуется дивизионная Партизанская сотня. Она проникает в тылы противника, разрушает там железные дороги, режет телеграфные и телефонные провода, взрывает мосты, сжигает склады и вообще, по мере сил, уничтожает коммуникации и снабжение противника, возбуждает против него местное население, снабжает его оружием и учит технике партизанских действий, а также поддерживает связь его с нашим командованием.

Высшее начальство одобрило мой проект, и я был вызван в Могилев, в Ставку походного атамана всех казачьих войск – Великого князя Бориса Владимировича. Там я присутствовал при опытах со вновь изобретенной зажигательной жидкостью, которой наполнялись снаряды и пули. При ударе пуля разрывалась, и возникал пожар, не поддававшийся никакому тушению. На одном из опытов присутствовали Государь, Наследник Цесаревич, Великие князья, генерал Алексеев, генерал Богаевский и др. Был дождливый день; изобретатель, господин Братолобов, демонстрировал свое изобретение. Были приготовлены для опытов кирпичная стенка и деревянный дом. Государь лично выстрелил из винтовки в стенку, которая загорелась; дом также вспыхнул, как свеча. Мне было предложено применить и это изобретение во время партизанских набегов, но я так и не получил никогда этих зажигательных пуль. Говорили, что Братолобов похитил чужое изобретение, возникли недоразумения и дело затянулось.

По обратном возвращении в полк я был прикомандирован в штаб нашего корпуса и в течение декабря 1915 г. и января 1916 г. формировал партизанскую сотню исключительно

из кубанцев. Она получила наименование Кубанского конного отряда особого назначения. В конце января состоялось первое боевое применение моего отряда. В это время наш корпус стоял на реке Шаре. В зимнюю морозную ночь, в белых балахонах двинулись мы через наши заставы, имея проводниками несколько местных лесников. Было очень темно; мы шли гуськом, ступая на следы друг друга, в мертвой тишине. Шли уже около часу, по цельному снегу, без тропинок. Взошла луна. Проводник доложил, что мы обошли уже первый немецкий пост. Я отрядил 15 человек, которые поползли к немецкому посту. Часовой был снят без звука, а 6 германцев взяты живьем.

От пленных мы узнали, где главная застава состояла из роты пехоты. Решили ее уничтожить. Я разделил свой отряд на две части: одну повел сам, другую – под начальством хорунжего Галушкина. Выждав время, я двинулся медленно по лесу. Вдруг возглас:

– Хальт! Вер да?

Затем залп из нескольких винтовок. Проводники наши прыгнули в кусты, мы же повалились в снег и не отвечали. Пальба вскоре прекратилась. Вдруг слева, куда ушел Галушкин, раздалась частая ружейная стрельба и крики «ура». Видимо, молодой и горячий Галушкин «не выдержал характера». Тогда и мы, но без крика, в кинжалы, на вновь открывший по нас огонь германский пост. Вырезали, без потерь, 30 немцев и скорее вновь на выстрелы. Выходим – лесная поляна, на ней двор лесника, из которого выскакивают немцы и беспорядочно стреляют в разные стороны. Мы с места в штыки и кинжалы. После короткой рукопашной борьбы мы их частью перебили, частью забрали в плен.

С той стороны, где – как мы предполагали – действует Галушкин, появились черные фигуры. Это были отступавшие от него немцы. Мы бросились на них в штыки. Но Галушкин, не зная, где мы, продолжал стрелять в нашу сторону. Мы перебили человек 70 германцев, 30 взяли в плен; в общем, роту прикончили, забрали 2 пулемета, винтовки, много касок. У меня оказалось 2 убитых и 18 раненых. У немцев всюду поднялась тревога. За отсутствием проводников, по компасу и звездам пошли мы обратно, с песнями и добычей, выслав вперед дозоры. Вскоре нашли под кустами наших перепугавшихся проводников, и они снова повели нас. Мы были еще дважды обстреляны немецкими заставами, но с боем, перекатами, ушли от них без новых потерь и на рассвете вышли на берег Шары.

Русские посты, встревоженные ночной пальбой с криками «ура», открыли по нас огонь через речку. Несмотря на наши крики «свои, свои», огонь с русской стороны все усиливался, быстро распространяясь и вниз по реке. В это время наши задние дозоры стали доносить, что сзади на нас наступает около батальона германской пехоты, высланной нас преследовать. Положение становилось тягостным – мы рисковали оказаться между двух огней. Я вызвал охотников доставить донесения через Шару, что это мы и чтобы нас пропустили. Охотники дошли благополучно, огонь прекратился. Со своим отрядом, гуськом, прикрываясь огнем задней заставы, мы перешли на нашу сторону. Немцы решили нас преследовать на нашем берегу Шары. Мы тотчас рассыпались в цепь и отбивались до подхода роты из резерва.

Было уже совсем светло, когда с песнями и, влача пленных, явились мы на бивак. Едва похоронили своих убитых, как приехал корпусной командир, генерал Ирманов. Он горячо благодарил нас и награждал казаков крестами. Я получил благодарность в приказе по корпусу. Тут впервые я встретился с доблестным командиром 206-го пехотного полка полковником Генерального штаба И.П. Романовским, впоследствии начальником штаба Добровольческой армии при генералах Корнилове, Алексееве, Деникине; он недавно принял полк.

Затем началась боевая служба. Каждые двое суток мы выходили ночью в набег, часто с прибавленными к моему отряду пехотными разведчиками. Мы очень беспокоили немцев, настолько усиливших свою бдительность, что нам приходилось постоянно менять место нашей работы. Мы брали много пленных, частенько приводили их по сотне и больше. Однако основная цель нашей работы – организация партизанской деятельности населения в

неприятельских тылах – так и не была достигнута вследствие пассивности и запуганности населения.

Однажды, это было несколько южнее, я задумал смелую операцию – захватить неожиданным набегом высмотренный нами штаб германской дивизии, расположенный в тылу, верстах в 30–35 от нашего фронта. Для этой цели к моему отряду, выросшему уже до двух сотен, были приданы еще две сотни Хоперского полка Кубанского войска. У меня была хорошо налаженная связь с местным населением, и оно перерезало штабные телефонные линии к назначенному мною сроку. Конным пробегом мы дошли до штаба, перерезали германскую охранную роту, взяли в плен весь штаб дивизии во главе с ее начальником и забрали все документы. Это было уж слишком дерзко, и мы поплатились. Немцы нас почти окружили, и мы никак не могли выбраться на нашу сторону. Нарвавшись на германский батальон, попали под сильнейший огонь и понесли большие потери. Часть пленных разбежалась; немецкого генерала, пытавшегося скрыться, казаки зарубили.

Трое суток, преследуемые со всех сторон, бродили мы по лесу без отдыха, замерзшие, голодные и с некормленными конями. Люди изнервничались и пали духом. К счастью, мы встретили двух крестьян, указавших нам затерянную деревушку, где мы отдохнули и отогрелись. С большими трудностями, на четвертую ночь, выбрались мы наконец на нашу сторону, доставив документы и несколько пленных. За это дело я был представлен к Георгиевскому кресту, но так его и не получил.

Глава 4

Переброска на Брусиловский фронт в Галиции. – Предписание отправиться в Буковину. – Конный поход на Черновицы. – Генералы Кельчевский, Крымов, Врангель. – Работа в Карпатах. – Присоединение к 3-му конному корпусу графа Келлера. – Работа с ним. – Отношение его к отречению Государя.

Ранней весной 3-й Кавказский корпус отправился походным порядком на север, в район Барановичи-Молодечно, где собирался большой кулак из 12 корпусов, долженствовавший совершить прорыв германского фронта. Удар этот не состоялся вследствие совершившегося в это время знаменитого Брусиловского прорыва южного австро-германского фронта; собранные под Молодечно корпуса были постепенно перебросены на развитие достигнутых Брусиловым успехов.

Это был трудный поход в весеннюю распутицу, по невылазной грязи. Пасху мы встречали в одной деревушке Минской губернии. Под Барановичами наша пехота села в окопы. На этом участке фронта происходила правильная позиционная война; тылы противника были плотно населены его резервами, и поэтому партизанская работа не могла иметь тут никакого применения. Мой отряд стали посылать для производства разведок, вследствие чего он нес большие потери в людях, – и притом в каких людях! – в лучших, отборных, искусных партизанах!

Желая спасти свой отряд от конечного и притом непроизводительного истребления, а также полагая, что его боевые качества будут более полезны в другой военной обстановке, я стал проситься на южный фронт, где, как я слышал, происходили конные бои. Ходатайство мое в этом отношении увенчалось успехом; я получил предписание отправиться походом в 9-ю армию, действовавшую в Буковине. Около месяца мы шли, опять конным походом, на Черновицы и сильно заморили коней. По прибытии в район Черновиц, в июле 1916 г., мы отдохнули и поправили лошадей. Там я впервые встретил генерала Кельчевского, в то время начальника штаба 9-й армии, а впоследствии, во время Гражданской войны, начальника штаба Донской армии, находившейся под командованием генерала Сидорина. Девятой армией командовал генерал Лечицкий.

В этот период войны Румыния также приняла в ней участие, и русские и румынские части были расположены попеременно. Севернее нас действовала Уссурийская конная дивизия славного генерала Крымова, впоследствии участника похода Корнилова на Петроград, и 3-й конный корпус доблестного генерала Келлера, убитого в 1919 г. в Киеве петлюровцами. Корпус этот состоял из дивизий: 1-й Донской, 10-й кавалерийской и 1-й Терской. 1-й Донской дивизией командовал известный военный писатель, впоследствии Донской атаман, генерал Краснов.

Из Черновиц мой отряд был перебросен в район Селетина. Мне были переданы еще три партизанских отряда: один казачий донской («быкадоровцы») подьесаула Быкадорова, уральский казачий подьесаула Абрамова («абрамовцы») и Партизанский отряд 13-й кавалерийской дивизии. Таким образом, теперь под моей командой состояло более 600 шашек. Действовать приходилось пешком в отрогах южных Карпат, причем работа наша координировалась с задачами, возлагавшимися на пехоту. В то время как пехота готовила лобовую атаку, я забирался в тылы неприятельского участка, нарушал коммуникации, производил разгром тылов, а если было возможно, то и атаковал неприятеля с тылу. Горы были страшно крутые, продвижение обозов невозможно, подвоз продуктов приходилось производить на вьюках по горным тропинкам, вывоз раненых был затруднен. Вообще работа была страшно трудная. Драться приходилось с венграми и баварцами.

При взятии Карлибабы, где мы захватили огромную добычу, я был контужен в голову, причем у меня была разбита щека и поврежден правый глаз. Вскоре после этого мой отряд придали 3-му конному корпусу генерала от кавалерии графа Келлера.

Тут я несколько отвлекусь, дав характеристику генерала Крымова, совместно с которым мне часто приходилось работать. Он, грубый с виду, резкий на словах, разносивший, не выбирая выражений, своих подчиненных, задиравшийся по всякому поводу с начальством, пользовался, несмотря на все это, безграничным уважением и горячей любовью всех подчиненных, от старшего офицера до младшего казака. За ним, по первому его слову – все в огонь и в воду. Это был человек железной воли, неукротимой энергии и неустрашимой личной храбрости. Он быстро разбирался в самой запутанной военной обстановке и принимал смелые, но неизменно удачные решения; хорошо изучил своих подчиненных и умел использовать их боевые качества и даже самые их недостатки. Так, зная склонность казаков держать подле себя коней, дабы в случае неудачи спешно изменить свое местонахождение, Крымов держал коноводов верстах в 50-ти от места боя, благодаря чему его казаки держались в пешем бою крепче самой стойкой пехоты. Зная местность огня, он со своими забайкальцами, природными охотниками, применял такой метод борьбы с наступающим противником: занимал горные вершины отдельными взводами казаков, которые устраивались там по-своему и били на выбор. Никакой огонь артиллерии, никакие атаки баварцев не могли выкурить из горных щелей засевших в них казаков.

Я недолго работал с Крымовым, но вынес много ценных уроков и светлую память об этом доблестном солдате, об этом честном человеке, который не мог мириться с предателем Керенским и пережить позора России. Вечная ему память! Там же, в его дивизии, встретился я впервые с бароном Врангелем, впоследствии Главнокомандующим Вооруженными силами Юга России в борьбе против большевиков. Однажды, после тяжелого ночного боя, под моросившим мелким дождем, возвращался я на отдых. Высланные заблаговременно квартирьеры донесли, что заняли для нас одинокий охотничий домик. Промокший и усталый, подъезжаю я, слезаю с коня. Вдруг на пороге домика появляется высокая, статная фигура и слышится громкий, властный голос:

– Это что еще за орда прибыла?

Я спросил:

– Кто это говорит?

– Командир 1-го Нерчинского полка Забайкальского казачьего войска, флигель-адъютант Его Величества, полковник барон Врангель, – последовал ответ.

Я представился и назвал себя. Выяснилось, что квартирьеры барона Врангеля заняли помещение раньше моих. Тем не менее Врангель любезно потеснился и пустил нас обогреться и отдохнуть. Я недолго, однако, пользовался его гостеприимством, ибо прискакавший ординарец привез мне новое спешное задание. Кстати, полк барона Врангеля считался лучшим в славной дивизии генерала Крымова.

Однако возвращаюсь к прерванному рассказу. Итак, мой отряд был придан 3-му конному корпусу, и я явился представиться своему новому корпусному командиру. Граф Келлер занимал большой, богато украшенный дом в г. Дорна-Ватра. С некоторым трепетом, понятным каждому военному человеку, ожидал я представления этому знаменитому генералу, считавшемуся лучшим кавалерийским начальником русской армии. Меня ввели к нему. Его внешность: высокая, стройная, хорошо подобранная фигура старого кавалериста, два Георгиевских креста на изящно сшитом кителе, доброе выражение на красивом, энергичном лице с выразительными, проникающими в самую душу глазами. Граф ласково принял меня, расспросил о быте казаков и обещал удовлетворить все наши нужды.

– Я слышал о славной работе вашего отряда, – сказал он. – Рад видеть вас в числе моих подчиненных и готов во всем и всегда идти вам навстречу, но буду требовать от вас работы с полным напряжением сил.

Об этом, впрочем, граф мог бы и не говорить; все знали, что служба под его командой ни для кого не показалась бы sinecurой. Действительно, после двухдневного отдыха на отряд были возложены чрезвычайно тяжелые задачи. За время нашей службы при 3-м конном корпусе я хорошо изучил графа и полюбил его всей душой, равно как и мои подчиненные, положительно не чаявшие в нем души. Граф Келлер был чрезвычайно заботлив о подчиненных; особенное внимание он обращал на то, чтобы люди были всегда хорошо накормлены, а также на постановку дела ухода за ранеными, которое, несмотря на трудные условия войны, было поставлено образцово. Он знал психологию солдата и казака. Встречая раненых, выносимых из боя, каждого расспрашивал, успокаивал и умел обласкать. С маленькими людьми был ровен в обращении и в высшей степени вежлив и деликатен; со старшими начальниками несколько суховат. С начальством, если он считал себя задетым, шел положительно на ножи. Верхи его поэтому не любили. Неутомимый кавалерист, делавший по 100 верст в сутки, слезая с седла лишь для того, чтобы переменить измученного коня, он был примером для всех. В трудные моменты лично водил полки в атаку и был дважды ранен.

Когда он появлялся перед полками в своей волчьей папахе и в чекмене Оренбургского казачьего войска, щеголяя молодежаватой посадкой, казалось, чувствовалось, как трепетали сердца обожавших его людей, готовых по первому его слову, по одному мановению руки броситься куда угодно и совершить чудеса храбрости и самопожертвования. Впоследствии, когда в Петрограде произошла революция, граф Келлер заявил телеграфно в Ставку, что не признает Временного правительства до тех пор, пока не получит от монарха, которому он присягал, уведомление, что тот действительно добровольно отрекся от престола. Близ Кишинева, в апреле 1917 г., были собраны представители от каждой сотни и эскадрона.

– Я получил депешу, – сказал граф Келлер, – об отречении Государя и о каком-то Временном правительстве. Я, ваш старый командир, деливший с вами и лишения, и горести, и радости, не верю, чтобы Государь Император в такой момент мог добровольно бросить на гибель армию и Россию. Вот телеграмма, которую я послал царю (цитирую по памяти): «3-й конный корпус не верит, что Ты, Государь, добровольно отрекся от Престола. Прикажи, Царь, придем и защитим Тебя».

– Ура, ура! – закричали драгуны, казаки, гусары. – Поддержим все, не дадим в обиду императора.

Подъем был колоссальный. Все хотели спешить на выручку плененного, как нам казалось, Государя. Вскоре пришел телеграфный ответ за подписью генерала Щербачева – графу Келлеру предписывалось сдать корпус под угрозой объявления бунтовщиком. Келлер сдал корпус генералу Крымову и уехал из армии. В глубокой горести и со слезами провожали мы нашего графа. Офицеры, кавалеристы, казаки – все повесили головы, приуныли, но у всех таилась надежда, что скоро недоразумение объяснится, что мы еще увидим нашего любимого вождя и еще поработаем под славным его командованием. Но судьба решила иначе.

Глава 5

Революция 1917 года. – Начало большевизма. – Последствия приказа № 1 и инцидент в Кишиневе. – Обратный путь на Кубань.

Приказ № 1 и непрерывное митингование, пример которому подавал сам Глава Временного правительства – презренный Керенский, – начали приносить свои плоды: армия и особенно ядро ее – армейская пехота – стали разлагаться неуклонно и стремительно. По улицам Кишинева ходили толпы разнузданных солдат, останавливавших и оскорблявших офицеров. Желая оберечь своих казаков от заразы, мы, офицеры, стали проводить все наши досуги среди них, стараясь привить им критическое отношение к крайним лозунгам, проповедовавшимся неизвестно откуда налетевшими агитаторами, а также внушить необходимость доведения борьбы до победного конца.

Казаки держались крепко, но я чувствовал, что дальнейшее пребывание тут небезопасно, ибо брожение в пехоте приняло такой масштаб, что она производила впечатление совершенно небоеспособной. С другой стороны, отношения между пехотой и казаками, получившими прозвище «контрреволюционеров», приняли столь напряженный характер, что можно было ежеминутно опасаться вспышки вооруженной междоусобицы. Тогда я задумал отправиться со своим отрядом в Персию, в экспедиционный корпус генерала Баратова, слава о действиях которого, гремевшая на Кавказе, докатилась до нас. Офицеры, которых я посвятил в свой план, отнеслись к нему с восторгом, а прослышавшие о нем казаки – с энтузиазмом.

В это время произошел инцидент, положивший конец всяким нашим колебаниям, ибо уход наш из Кишинева стал совершенно необходимым. Однажды я зашел в один из кишиневских ресторанов вместе со своим адъютантом. Едва мы устроились позавтракать, как вломилась банда растерзанных пехотных солдат. Они расположились в ресторане, не снимая головных уборов и поносительно ругаясь площадной бранью. Было ясно, что солдаты вели себя умышленно дерзко, чтобы продемонстрировать этим свое пренебрежение к обедавшим тут же офицерам. Я не мог молча смотреть на подобное безобразие. Подойдя к солдатам, потребовал от них, чтобы они вели себя пристойно и сняли головные уборы; они не только не послушались меня, но даже вступили со мной в непозволительно дерзкие пререкания. Я, в свою очередь, пригрозил, для их успокоения, вызвать вооруженную силу. Тогда они, выскочив на улицу, стали созывать толпу, чтобы расправиться со мной. Адъютант, видя, что мне грозит суд Линча, бросился к телефону и передал в отряд о грозившей нам опасности. Тем временем на улице уже собралась громадная, дико горланившая толпа, требовавшая под угрозой разгрома ресторана, чтобы я вышел к ней. Едва я появился в дверях, как они бросились на меня. Я выхватил револьвер, – ближайšie шарахнулись от меня в стороны и уже не решались подходить близко. С ревом и ругательствами толпа требовала, чтобы я отдался в ее распоряжение, так как она намерена тащить меня силой в комендатуру. Я заявил, что живым в их руки не дамся, а к коменданту пойду и сам, но чтобы ко мне никто не приближался, если не желает быть застреленным наповал. Выйдя на улицу, я пошел в комендантское управление, держа револьвер в руке и не подпуская никого близко к себе. В бессильной злобе, осыпая меня проклятиями, валила за мной толпа. Вдруг послышался отдаленный, все усиливавшийся конский топот по каменной мостовой; из-за угла выскочил головной разъезд моего отряда, а за ним, полным карьером, вынесся, сотня за сотней, и весь отряд. По сигналу тревоги и узнав о грозившей мне опасности, примчались ко мне на выручку мои верные станичники. Казаки не потратили, видимо, и минуты на сборы – они сидели на неоседланных конях, многие были полуодеты, без папах, даже босиком – но шашки, кинжалы и вин-

товки были при них. Командир дивизиона, подъесаул Ассьер, подскакал ко мне с рапортом о прибытии.

– Построиться, мерзавцы! – скомандовал я, обращаясь к глумившейся только что над мной толпе. И вся эта сволочь, в мгновение ока, покорно выстроилась и, руки по швам, стояла навтыжку. Я приказал казакам стать сзади этой шеренги успокоенных буянов. Затем обратился к солдатам с внушением.

– Вы забыли дисциплину, – сказал я. – Родине нужны воины. Вы же превратились в банду разнузданных хулиганов, годных лишь для того, чтобы митинговать и оскорблять офицеров, виновных только в том, что у них нет ни спереди, ни сзади красного банта. Вот мои казаки, по первому звуку тревожной трубы бросились они исполнить свой долг...

Тут я поблагодарил казаков. Струсившие солдаты стали просить прощения и жаловаться, что их подбивают и сбивают с толку агитаторы.

– Ступайте, – сказал я им. – Лишь полным подчинением дисциплине можете вы поддержать гибнущую Родину, если у вас еще осталась хоть капля совести.

Этот случай переполюшил все местные комитеты. На меня полетели телеграммы с жалобами в Питер к самому Керенскому. Нужно было уходить, ибо стало ясно, что вот-вот начнется война между комитетчиками и казаками. Я занял силой кишиневский вокзал, добыл поездной состав и двинулся на Кубань. Нас всюду везли как экстренный поезд. Казаки держали себя безукоризненно.

18 апреля 1917 г. (1 мая нового стиля) мы подъехали к Харцизску. Уже издали была видна громадная, тысяч в 15, митинговавшая толпа. Бесчисленные красные, черные, голубые (еврейские) и желтые (украинские) флаги реяли над нею. Едва наш состав остановился, как появились рабочие делегации, чтобы осведомиться, что это за люди и почему без красных флагов и революционных эмблем.

– Мы едем домой, – отвечали казаки, – нам это ни к чему.

Тогда «сознательные» рабочие стали требовать выдачи командного состава, как контрреволюционного, на суд пролетариата. Вахмистр 1-й сотни Назаренко вскочил на пулеметную площадку.

– Вы говорите, – крикнул он, обращаясь к толпе, – что вы боретесь за свободу! Какая же это свобода? Мы не хотим носить ваших красных тряпок, а вы хотите принудить нас к этому. Мы иначе понимаем свободу. Казаки давно свободны.

– Бей его, круши! – заревела толпа и бросилась к эшелону.

– Гей, казаки, к пулеметам! – скомандовал Назаренко.

В момент пулеметчики были на своих местах, но стрелять не понадобилось. Давя и опрокидывая друг друга, оглашая воздух воплями животного ужаса, бросилась толпа врассыпную, и лишь стоны ползавших по платформе ушибленных и валявшиеся в изобилии пестрые «олицетворения свободы» свидетельствовали о недавнем «стихийном подъеме чувств сознательного пролетариата».

Глава 6

Возвращение на Кубань. – Отъезд с отрядом в Персию в экспедиционный корпус генерала Баратова. – Столкновение в Энзели. – Путешествие и прибытие в Персию к генералу Баратову. – Военные действия. – Моя поездка делегатом в Екатеринодар, совпавшая с большевистским переворотом. – Заболевание там тифом. – Возвращение обратно. – Производство мое в полковники. – Покушение на меня. – Отъезд инкогнито переодетым.

В начале мая 1917 г. я прибыл со своим отрядом на Кубань, на станцию Кавказскую; там распустил своих людей по домам в двухнедельный отпуск. В двадцатых числах мая, без всяких опозданий, отдохнув и проведав свои семьи, вернулись мои партизаны в отряд, и мы двинулись, двумя эшелонами, по железной дороге на Баку, а оттуда – пароходом на Энзели.

Энзелийский гарнизон уже пришел в состояние разложения. Там задавали тон потерявшие всякий воинский облик матросы Каспийской флотилии. Местные войсковые комитеты выносили демагогические резолюции и решения, окончательно сбивавшие с толку бросивших службу и слонявшихся без дела солдат. Появление моих бравых партизан, сохранивших полную старорежимную дисциплинированность, отвечавших по-прежнему на приветствия офицеров и щеголявших молодевавшим отданием чести, становившихся часто мне, как начальнику отряда, во фронт, не могло не оскорбить «революционного сознания» энзелийского сброда. Произошел ряд столкновений между пехотинцами и партизанами, доходивших до крупных потасовок; особенно острые столкновения возникали у казаков с матросами.

Глубоко презиравшие матросов казаки раз действительно хватили через край. Дело в том, что начальник энзелийского гарнизона, с согласия и одобрения местных комитетов, издал приказ, запрещающий принявшую безобразные размеры азартную игру в карты. Вышедшие прогуляться в городской сад 3–4 казака увидели толпу матросов, ожесточенно резавшихся в «три листика».

– Вот, – сказал один из казаков, – ваша революционная дисциплина. Ваши же комитеты запрещают карточную игру, а вы в публичном месте целой толпой играете в карты. К чему же тогда все эти комитеты? Лишь для того, чтобы мешать начальству работать?

Матросы вознегодовали и набросились на казаков, попрекая их 1905 г., когда казачество подавляло революцию. Казаки возражали достаточно резко. Слово за слово... Казаки взяли за плетки и, отодрав хорошенько нескольких матросов, поставили перепуганных игроков на колени и заставили их пропеть «Боже, Царя храни»; при этом они «поощряли» плетками тех, кто пел, по их мнению, фальшиво или без достаточного воодушевления.

Этот случай переполошил все комитеты, и ко мне полетели жалобы на моих подчиненных. Расследовав дело, я признал, что казаки действительно виноваты в том, что принудили матросов петь гимн, и наложил на них за это своей властью дисциплинарное взыскание. Поведение же матросов, вынудившее казаков применить плети, я признал, в свою очередь, провокационным и потребовал наказания. Дисциплинарные комитеты были вынуждены посадить матросов на месяц под арест. Тут уж «товарищи» обиделись совершенно. Особенно бесило их полное игнорирование казаками Приказа № 1, этого краеугольного камня невиданной прежде революционной дисциплины. Полетели телеграфные жалобы генералу Баратову и комитету в штаб корпуса. Ежедневно происходили свалки и драки. Мои казаки, сильные взаимной выручкой и артистически владевшие оружием, отнюдь не давали себя в обиду. Впрочем, дело редко доходило до серьезных кровопролитий, если не считать таковыми кровоподтеков от казачьих нагаек.

В начале июня мы двинулись походом на Решт и Казвин. Каждые 30 верст были расположены дорожные этапные посты, в обязанности которых входила охрана пути, а также

заготовка продовольствия и запасов фуража для проходивших по дороге воинских частей, патрулирование и охрана дороги, телеграфных и телефонных линий от нападений курдов и персидских разбойников. Во главе каждого такого поста стоял этапный комендант с гарнизоном солдат старших сроков службы. Этапные солдаты, обязанности которых были очень легкими сравнительно со службой боевых солдат, сочли происшедшую революцию как освобождение и от их незначительных обязанностей, и положительно бесились от безделья. Единственным их занятием был сбор получаемых новостей от проходящих мимо эшелонов и пускание всевозможных, отнюдь не укреплявших боеспособность, уток и сплетен. Приходя после утомительных переходов на этап, несмотря на телеграфное предупреждение, мы не получали ни пищи, ни фуража для коней и, измученные, должны были раздобывать это как могли. В ответ на мои упреки этапные коменданты оправдывались отказом их подчиненных от какой-либо работы. Видя, что так мы не дойдем до цели, я решил привести этап в христианский вид. Высылаемые на переход вперед отряда сильные разъезды должны были напоминать этапам, что сзади идет нуждающийся в их услугах внушительный отряд. Первые дни этапные солдаты относились недостаточно внимательно к убеждениям начальников разъездов, но после того, как разъезды преподали несколько хороших уроков неповинуящимся, а подошедший отряд дополнил «обучение», слава о сварливости шкуринцев значительно опередила движение отряда и, приходя на этапы, мы купались в изобилии. Более того – этапные команды выстраивались перед нашим прибытием на шоссе и встречали нас с почетом.

Дорогой мы встречали подчас возвращавшихся с фронта агитаторов, многие из коих были рады свежей аудитории, за каковую считали моих партизан. Казаки очень охотно выслушивали этих носителей нового мировоззрения, но, однако, редко кто из них уходил после этого целым. Обыкновенно после окончания дискуссии, и притом по собственной инициативе, неблагодарные казаки их сильно пороли плетками. Так они высекли, между прочим, одного весьма красноречивого «высокопоставленного» господина Финкеля, комиссара Бакинского комитета, командированного в штаб ген. Баратова и пытавшегося разъяснить станичникам контрреволюционность моего мировоззрения. После этого агитаторы, вероятно, сочли мой отряд недостаточно подготовленным к восприятию новых идей и стали искать более благодарной аудитории. Во время пути по крайней мере мы их больше не слышали.

По прибытии в Хамадан я представил свой отряд генерал-лейтенанту Павлову, известному кавалеристу, командовавшему впоследствии, во время Гражданской войны, после смерти генерала Мамонтова, 9-м Донским конным корпусом. Генерал Павлов командовал в это время экспедиционным корпусом, вместо генерала Баратова, который состоял в должности командующего Кавказской армией. Мы в Хамадане остановились в роскошном саду какого-то персидского хана; лошади стояли у коновязей, всюду дневальные, у ворот часовые. Приехавший внезапно генерал был встречен рапортом дежурного. Молодцеватая выправка, лихой ответ людей на приветствие, их бодрый, веселый вид привели в восторг старого кавалериста.

– Впервые, – сказал он казакам, – с начала революции встречаю я настоящую воинскую часть.

Мы недолго состояли, однако, под начальством доблестного генерала, ибо он скоро был отчислен от должности, по настоянию комитетов, за контрреволюционность. Мы повесили головы, думая, что настал конец делу; однако – нет еще. Генерал Баратов, увидевший, что пост командующего Кавказской армией, вследствие засилья комитетов и полного распада тыла, является теперь уже совершившейся синекурой, отказался от этой должности. Он вернулся, по отставке Павлова, на свой старый пост командира экспедиционного корпуса, дабы, по мере сил, гальванизировать возможно дольше державшиеся еще, с грехом пополам, на позициях части.

На большой дороге Казвин – Хамадан, близ Хамаданской заставы, выстроил я свой отряд, ожидая прибытия следовавшего в автомобиле из Энзели славного генерала Баратова. На правом фланге отряда стояли трубачи, блестя на солнце медью своих инструментов, и хор туземных зурначей. Казаки, с лихо заломленными папахами, в новеньких черкесках, в ладно пригнанной амуниции и на хорошо вычищенных походных конях, ниточкой вытянулись вдоль шоссе. Вот вдаль запылилась дорога и показался серый автомобиль ген. Баратова. Дружно по команде блеснули в воздухе шашки, и понеслись, пробуждая равнину, чудные, заставляющие трепетать казачьи сердца аккорды бессмертного Сунженского марша. Подкатил и остановился автомобиль. Из него легко выпрыгнул все тот же не стареющий и жизнерадостный Николай Николаевич Баратов.

– Здравствуйте, старые кунаки-кубанцы! – весело и молодо крикнул он.

Звонко и дружно гаркнули станичники ответное приветствие. Собравшаяся у заставы громадная толпа персов, привыкших за последнее время видеть лишь банды буйных и недисциплинированных «товарищей», с сочувственным удивлением смотрела на непривычное для нее зрелище. Генерал Баратов сказал несколько теплых слов отряду и поехал в штаб корпуса, окруженный джигитовавшими казаками.

Вскоре генерал Баратов позвал меня к себе и объяснил общее положение дел. Известия о неудачном исходе похода Корнилова на Петроград докатились уже до Кавказа, и тыловые комитеты бомбардировали полки телеграммами, предупреждающими о контрреволюционности офицерства. В войсках, стоявших на позициях, начались брожение, смуты, возникло недоверие к своим начальникам. Приехавшие агитаторы проповедовали анархию и большевизм. Первыми поддались заразе стрелки Туркестанской бригады и пограничники; случаи неисполнения боевых приказов стали нередкими. Турки приободрились и почти повсюду, как на нашем фронте, так и в Месопотамии, перешли в наступление. Получавшие субсидии от турецких и немецких эмиссаров курдские племена обнаглели, нападали на наши тылы и рвали коммуникации. Из крепких частей оставались еще на фронте лишь 1-я Кавказская казачья дивизия, Кубанская отдельная конная бригада, отряд партизан войсковых старшин Лазаря Бичерахова и вновь прибывший отряд. Необходимо было во что бы то ни стало продержаться на фронте хотя бы несколько месяцев, чтобы дать возможность эвакуировать находившееся в Персии громадное русское имущество, а также чтобы успело подойти подкрепление к дравшемуся в Месопотамии английскому экспедиционному отряду.

По новой диспозиции генерала Баратова бичераховские партизаны должны были держаться у Керман-шаха и Коршеда до смены их английскими войсками. Я обязан был удержаться во что бы то ни стало в районе города Сенэ, прикрывая дорогу Сенэ – Хамадан. Во исполнение этой задачи мой партизанский отряд должен был развернуться до четырех сотен; к нему был придан батальон пехоты из не поддавшихся заразе добровольцев от полков и горная батарея. В начале августа я прибыл в Сенэ, в распоряжение начальника Курдистанского отряда генерала Гартмана и получил от него приказание выбить турецкие таборы, успевшие занять позиции восточнее Гаранского перевала; турки старались сбить нас с него. Я выдвинул разведку, которая, путем расспросов местных жителей, выяснила, что существует горная тропинка, обходящая турецкие позиции. На рассвете 15 августа 1-я сотня моего отряда, под командой подьесаула Прощенко, двинутая по этой тропинке, успешно обошла турок и сбила их заставы. Следовавшие за сотней на вьюках горные орудия изрядно обстреляли турок; пользуясь их переполохом, я развернул свой батальон в атаку. Турки в панике бежали, бросая пулеметы и пушки. Казаки преследовали их до ночи, забирая пленных и трофеи, и вышли в Мериванскую долину. Мы укрепились на отвоеванных позициях, и началось нудное сидение в окопах, нос с носом со вновь подошедшим противником. Изредка мы разнообразили это времяпрепровождение набегами на курдских ханов, грабивших наши транспорты.

В конце октября я вместе с вахмистром Назаренко был делегирован от кубанцев, находящихся на фронте, во впервые собравшуюся Кубанскую краевую Раду и поехал в Екатеринодар. В это время в России произошел большевистский переворот, но Кубанская Рада не признала такового и объявила независимость Кубанского края. Ходили слухи о бегстве Корнилова из Быхова и о том, что он идет на Дон. В Раде происходили страстные дебаты, как отнестись к его выступлению; большинство членов ее высказывалось за его поддержку. Я не успел, однако, принять сколько-нибудь заметного участия в волновавших всех политических вопросах, ибо заболел тифом; навещавшие меня во время моей вынужденной бездеятельности друзья рассказывали мне о проникновении большевистских идей в среду кубанских «иногородних» и о том, что многие из кубанских частей, возвратившихся с Западного фронта, также не избегли большевистской заразы.

Оправившись от болезни, я в начале декабря, в сопровождении своего верного, многолетнего вестового Захара Чайки, через Баку – Энзели, выехал на фронт. Между Энзели и Казвином, у этапа Имам-Заде-Раше, мой автомобиль был внезапно остановлен преградившей дорогу толпой вооруженных солдат, которые потребовали, чтобы я назвал себя. Услышав мою фамилию, толпа заревела в восторге. Солдаты объявили, что я арестован в качестве известного контрреволюционера. Затем они собрались на митинг, чтобы решить, что со мной делать. Голоса разделились: одни требовали расстрелять меня немедленно, другие же, опасаясь позднейших репрессий со стороны моих казаков, склонялись к тому, чтобы я был отправлен на суд комитета этапного батальона.

Не теряя драгоценного времени, я устроил, в свою очередь, военный совет со своим верным Чайкой и с шофером привезшего меня автомобиля. Решено было, что шофер выведет тихонько свою машину на шоссе, посадит ожидающего там Чайку и к утру доставит его в Казвин, чтобы вызвать на выручку меня моих партизан. Я прекрасно отдавал себе отчет в том, что мои казаки, да и то в самом ограниченном, за малочисленностью автомобилей, количестве, могут прибыть в Имам-Заде-Раше лишь через несколько дней, ибо они могли быть от меня не ближе Хамадана. Но я знал трусость «товарищей», которые не решатся тронуть меня хоть пальцем, если будут знать, что это не пройдет для них безнаказанно. Когда автомобиль зашумел во мраке, увозя Чайку, я крикнул что есть силы ему вслед:

– Пусть немедленно все казаки мчатся сюда и устроят по мне хорошие поминки.

«Товарищи» переполошились, и, конечно, решено было меня не расстреливать. Я спокойно заснул на своей бурке. Утром меня повезли в автомобиле на суд этапного комитета. Войдя в комитетское помещение, я раскричался на его чинов:

– Как смели вы задержать, лишить свободы меня, начальника отдельной части, спешащего на фронт по делам службы? Мною вызван сюда мой отряд. Он вас научит порядкам – ни один из вас не избежит веревки!

Испуганные комитетчики стали извиняться в своей «ошибке» и взмолились о прощении. Однако я переписал их фамилии (вследствие чего, как я слышал позже, большинство из них разбежалось), потребовал себе машину и уехал. Примчавшийся на рассвете в Казвин Захар Чайка наделал там шуму. Услышав от телефонистов, что мои казаки, вызванные меня выручать, обещались изрубить по дороге всех комитетчиков, многие из них также поспешили предусмотрительно наострить лыжи.

Явившись в Хамадан, в штаб корпуса, я узнал, что за Гаранское дело произведен в полковники и назначен командиром 2-го Линейного полка Кубанского казачьего войска, оставаясь одновременно командиром своего партизанского отряда. Кроме того, Кавказская георгиевская дума присудила мне офицерский Георгиевский крест, но я не ношу его, ибо награждение это не могло до сего времени быть санкционировано Всероссийской георгиевской думой. Мои партизаны, в свою очередь, пользуясь новыми правилами, присудили мне солдатские георгиевские кресты 4-й и 3-й степени. В Хамадане я встретил часть своих орлов;

остальные стояли на позициях у Сенэ. Я принялся объезжать сотню за сотней свой новый 2-й линейный полк. Казаки еще держались, но уже было заметно некоторое шатание. Повсюду заявлялись жалобы на невыданное обмундирование, на недодачу пары копеек, на то, что не пускают домой. Хотя во всем этом не было еще ничего политического, но для меня, природного казака, было ясно, что все это печальные признаки скрытых бурь. Пехотные полки уже потеряли к этому времени всякий облик воинских частей. Солдаты открыто дезертировали, распродавая персам и курдам казенное имущество, винтовки и патроны. Мой отряд за время моего отсутствия тоже немного разболтался. Молодые партизаны, присоединившиеся к нам только в Персии и разбавившие крепкий кадр проделавших всю кампанию старослужащих, неохотно подчинялись строгим порядкам, коими держалась часть, но охотно прислушивались к смутьянам, будировавшим на митингах.

Корпусной комитет, в котором задавали тон писаря и мальчишки-офицеры, завидовавшие лаврам Крыленко, не боролся с большевистской пропагандой и даже довольно явно способствовал ей. Стоявший на государственной точке зрения, уважаемый корпусной комиссар Алексей Григорьевич Емельянов совместно с генералом Баратовым тщетно боролся с разложением войск. Скоро пришел приказ: уволить на льготу старослужащих казаков. Лучшие, незаменимые партизаны, с которыми я привык делить горе и радость, составлявшие цвет моего отряда, должны были уйти на льготу. И это в то время, когда фронт едва держался и каждый надежный боец был на учете. Взгрустнулось мне; мало надежд оставалось на будущее; чувствовалось, что мутные волны, залившие всю Россию и повергнувшие ее в бездну позора и страданий, затопят скоро и Кавказ, разрушат последние очаги русской государственности и жалкие остатки недавно могучей и грозной врагам русской армии, бесславно дезертировавшей теперь.

Отъезд спускаемых на льготу казаков был назначен на 26-е декабря, на второй день Рождества. В сочельник, в предместье Хамадана – Шаварин, где стояли сотни, по старому русскому обычаю была приготовлена кутья. С первой звездой я вышел из своей квартиры и в сопровождении офицеров стал обходить сотни, поздравляя казаков с праздником Рождества Христова. Была лунная морозная ночь. Отовсюду слышалась беспорядочная стрельба – это по кавказскому обычаю люди салютовали празднику, стреляя в воздух. Выйдя из первой сотни, после того как там поздравил казаков, и направляясь ко второй, я проходил по двору; шел несколько впереди сопровождавших меня офицеров и казаков. В это время грянул залп, как мне показалось, с кровли соседнего туземного дома. Я почувствовал сильный удар в грудь, упал и потерял сознание.

Офицеры и казаки бросились к месту, откуда стреляли, и открыли огонь по убежавшим в темноте фигурам. Это были большевистские агенты, решившие убить меня, как заклятого врага большевизма. Положенный на казачью бурку, я был отнесен в казармы, где прибежавший доктор осмотрел меня. Выяснилось, что пуля, направленная мне в грудь против сердца, ударившись в костяные гозыри черкески, отклонилась влево, пробила грудную клетку возле самого сердца, вышла наружу под левую мышку и пронзила левую руку, не задев, однако, кости, оставив таким образом 4 отверстия.

Когда я пришел в себя, то лежал на топчане, облитый кровью, обильно струившейся из ран. Нагнувшийся надо мной доктор Коренев поспешно бинтовал меня. Как в тумане плыли передо мною суровые лица казаков, смотревших на меня полными слез глазами. По выражению их лиц я понял, что умираю. Силы вновь оставили меня. Когда я очнулся вновь, то увидел перед собой милое лицо генерала Баратова, узнавшего о моем ранении и приехавшего вместе с комиссаром Емельяновым меня проведать или, может быть, проститься со мной. Баратов перекрестился, наклонился к моему уху и сказал:

– Доктор говорит, что сердце не задето. Будешь жив. Ты еще нужен родине.

Меня вновь переложили на бурку и тихо и осторожно вынесли во двор, где стояли пожелавшие меня видеть все казаки моего отряда. Услышав, что рана не смертельна, они разразились криками «ура», и хор трубачей грянул Кубанский войсковой марш. Перенесенный на квартиру, я впал в лихорадочную нервозность и просыпался тотчас же, лишь только замолкала успокаивавшая меня музыка. И долго, долго, до полного изнеможения, играли под окнами мои добрые трубачи.

Проболев недели три, худой и бледный вышел я впервые во двор, погреться на жиденьком январском солнце и посмотреть на своих казаков. Давно уже уехали на родину мои старые боевые орлы. Я увидел вокруг себя лишь новые, молодые, почти все незнакомые мне лица. Мое сердце почувало, что теперь здесь уже сделать ничего нельзя. Вскоре ко мне пришла депутация молодых партизан; они просили, чтобы я настаивал перед начальством о скорейшем возвращении казаков на Кубань; говорили, что Корнилов уже разбит, Кубань признала советскую власть и воевать дальше нет смысла.

Мне стоило больших трудов убедить казаков в необходимости продержаться еще некоторое время, чтобы дать генералу Баратову возможность закончить эвакуацию имущества из Персии. Тем не менее мне пришлось несколько раскассировать свой отряд. Отобрав две сотни наиболее надежных людей, я отправил, под разными предлогами, на родину наиболее малодушных и поддавшихся агитации казаков. Ввиду того что мои раны снова разболелись, я вынужден был временно сдать командование полком и отрядом своим заместителям и уехать полечиться в Тегеран.

Во время моего отсутствия наши войска, по диспозиции генерала Баратова и ввиду вывоза главной части русского имущества из Персии, стали оттягиваться от перевалов и отступать к Энзели через Казвин и Решт. Возвращаясь из Тегерана, я догнал свой отряд уже близ Казвина. Там узнал, что комитеты Баку и Энзели не выпустят меня живым, хотя бы для этого потребовалось вступить в бой с моими казаками. Не желая подводить своих подчиненных под опасность, я решил скрыться, распустив слухи, что якобы не возвращался из Тегерана, ибо уехал оттуда к англичанам в Багдад. Переодевшись солдатом, выкрасив волосы и с подложным паспортом, я приехал неопознанным в Энзели и ждал там случая сесть на пароход, отходящий с войсками в Петровск. Посещал митинги, происходившие в Энзели, и слышал, как «товарищи» поносительно ругали генерала Баратова, полковника Бичехарова и меня, грозили смертью нам троим.

Однажды ночью в лачугу, где я скрывался, явилась группа казаков. Это были казаки моего отряда и 3-го Хоперского полка, в рядах которого я начал кампанию на Западном фронте. Мои казаки вошли в конспиративную связь с хоперцами и просили их доставить меня, вместе с их эшелоном, в Петровский порт. Они принесли мне костюм персиянина, провели на пароход, на который был погружен 3-й Хоперский полк, и спрятали в трюме. На рассвете наш пароход отвалил от энзелийской пристани. Выйдя на палубу, я увидел на берегу многих казаков из моего партизанского отряда. Стоя на набережной, они махали мне своими папахами. Несмотря на то что все хоперцы знали о том, кто я, ни один не показал и виду, что я опознан ими, и не проронил об этом ни слова большевистской команде. По прибытии в Петровск я поселился в этом городе, тогда столице Татарско-Дагестанской республики, ожидая прибытия своего партизанского отряда.

Глава 7

Путешествие в Кисловодск. – Жизнь там инкогнито. – Собираение известий. – Отъезд и разведка по станицам. – Подготовка восстания казаков. – Встреча с Автономовым – красным Главковерхом Северного Кавказа.

Мне не пришлось, однако, дожидаться в Петровске прибытия моего отряда и полка. Дело в том, что Татарско-Дагестанская республика вела в то время войну с наступавшими со стороны Баку большевиками. Ввиду этого, а также принимая во внимание продовольственные затруднения, татарское правительство предложило находящимся в Петровске, в ультимативной форме, или выступить против большевиков, или же немедленно покинуть пределы республики. Не испытывавшие еще прелестей большевистского строя и соскучившиеся по своим семьям казаки заявили, что они остаются нейтральными в татарско-большевистской распри и просят дать им возможность уехать на Кубань.

Мне было невозможно оставаться одному в городе, и поэтому я решил продолжать далее свой путь вместе с 3-м Хоперским полком. Нам подали составы, и мы тронулись на Грозный. Это путешествие по железной дороге останется надолго в моей памяти. Мы проезжали местами, где еще недавно кипела отчаянная война между отстаивавшим свои очаги местным русским населением и горцами, решившими изгнать его из пределов своих стародавних земель. В этой войне горцы, хорошо вооруженные и фанатичные, победили мирных русских крестьян, огнем и мечом пройдя всю страну. Лишь немногие уцелевшие крестьяне, бросив все, с женами и детьми бежали в пределы Терской области. Там, где еще недавно стояли цветущие русские села, утопавшие в зелени богатых садов, теперь лежали лишь груды развалин и кучи обгоревшего щебня. Одиравшие собаки бродили и жалобно выли на пепелищах и, голодные, терзали раскиданные всюду и разлагавшиеся на солнце обезглавленные трупы русских поселян, жертв недавних боев. Зрелище этого беспощадного истребления трудов многих поколений, этого разрушения культуры, напоминавшее времена Батгя и Чингиз-хана, было невыносимо тягостно и разрывало душу. Железнодорожное полотно было местами разрушено, телеграфные столбы порублены, мостики сожжены. Засевшие в лесистых трущобах чеченцы осыпали проходившие эшелоны градом метких пуль, нанося нам потери. Приходилось двигаться с величайшими предосторожностями, постоянно исправляя путь, и часто с рассыпанной впереди цепью казаков, выбивавших из засад преграждавших дорогу горцев.

После длительного, полного опасностей путешествия по стране смерти наш эшелон достиг наконец пределов Терской области. От терских казаков мы узнали, что делается на белом свете. Невеселые сообщили они нам новости: большевики заключили предательский мир с немцами в Брест-Литовске; генерал Корнилов убит в феврале под Екатеринодаром, а терский атаман Караулов тоже убит на станции Прохладной; Кубань, а за нею и Терек признали советскую власть. В наш эшелон стали подсаживаться какие-то подозрительные личности, именовавшие себя делегатами разных, неизвестных прежде, организаций, командированными якобы для приветствия возвращавшихся на родину казаков. Это были большевистские соглядатаи, на обязанности которых лежало ознакомление с настроением казаков, а может быть, и составление проскрипционных списков тех, кто критически относился к советской власти и мог впоследствии оказаться ей опасным.

Эти люди пытались побудить казаков истребить своих офицеров, убеждая их в том, что казачьи части, возвращавшиеся на родину вместе со своими офицерами, считаются заведомо контрреволюционными и навлекают на себя большие неприятности, что все офицеры будут расстреляны большевиками и что поэтому лучше бы это сделать заблаговременно

самим казакам. Однако хоперцы, привыкшие любить и уважать своих офицеров, не пожелали совершить над ними какого-либо насилия. Наоборот, они тайно предупредили офицеров о том, что им надо уходить и распыляться во избежание грозящей гибели. На последнем перегоне, не доезжая станции Минеральные Воды, где, как я слышал, был большевистский контрольный пункт, пользуясь тихим ходом поезда, я соскочил на полотно и пошел пешком, в обход этой станции, затем, на ходу же, вновь вскочил в товарный вагон и, не замеченный никем, приехал зайцем в Кисловодск, где жила моя семья.

Разбитый физически и морально, поселился я там, продолжая соблюдать свое инкогнито. Отдохнув немного и оправившись, стал совершать небольшие прогулки, прислушиваться и присматриваться к тому, что происходило кругом. В Кисловодске советские власти устраивали многочисленные митинги, на которых восстанавливали низы общества против буржуазии, интеллигенции и офицерства. По базарам ходили неясные слухи о том, что Корнилов жив и вновь формирует свою армию. Называли имя Деникина, рассказывали легенды о каком-то отряде Баратова. Неузнанный никем, толкался я, переодетый стариком, по базарам и чутко прислушивался к тому, что говорили приезжавшие из станиц казаки и казачки. Они держались вообще осторожно, опасаясь соглядатаев и большевистских провокаторов, коими кишели базары. Каждое неосторожное слово могло стоить жизни; даже самое наименование «казак» считалось контрреволюционным, и станичники именовались гражданами, а чаще «товарищами». Эмблема протеста – черные казачьи папахи были заменены защитными, без кокард, и солдатскими картузами. Было жалко смотреть на матерых казаков, пережатых в ненавистные им картузы и застенчиво именовавших друг друга «товарищами».

Однажды утром на Пятницком базаре я встретил своего старого вахмистра, казака станицы Бекешевской Наума Козлова. Он сделал мне незаметный для посторонних знак, что узнал меня, и последовал за мной в укромное местечко, где мы могли поговорить с ним по душам, не привлекая на себя ничего внимания. Наум Козлов был пожилой, рассудительный казак, хорошо знающий казачий быт и тонко разбирающийся в казачьих настроениях. Он пользовался большим уважением и влиянием в своей станице. По словам Наума Козлова, в начале советской власти ей поверили и считали, что она знаменует собой начало казацко-мужицкого царства. Однако когда в станичных советах вместо уважаемых хозяев засела и стала верховодить местная голытьба, пропившие разум пьяницы, хулиганы, высланные сходом конокрады и вообще лишь подонки казачества и иногородних, советы перестали пользоваться каким-либо уважением; наоборот, их стремление вмешиваться и регламентировать жизнь в станице стало вызывать всеобщее негодование. Старый антагонизм с инородцами сильно обострился, ибо иногородние стали требовать себе земельных наделов и Советы поддерживали эти их тенденции. Насильственные отнятия земель, открытый грабеж под видом реквизиций – всё это страшно возмущало казаков. Вообще повторилась старая история – все очень охотно готовы были делить чужое имущество, но никто не хотел делиться своим.

На почве общей бессудности и бесправия обострились отношения и между казаками. Бедные косились на зажиточных; те, кто работал, опасались, что плоды их трудов будут у них отняты впоследствии. Семейства, потерявшие на войне своих сочленов, не только перестали получать какую-либо поддержку от общества, а наоборот, им ставилось в укоризну участие их близких в «империалистической войне». Бесконечное митингование и всякого рода съезды с их крикливым бахвальством и бестолочью сумбурных речей отнюдь не способствовали устроению жизни на местах. Попытки большевистских властей обезоружить казаков и вооружить иногородних вызвали взрыв негодования среди казачества. Чувствовалось, что так дело дальше продолжаться не может. Назревала гроза, которая могла ежеминутно разразиться. Казачество ждало лишь вождя; если бы таковой явился и поднял знамя восстания, казаки восстали бы поголовно и повсеместно.

Расставаясь с Наумом Козловым, я ему дал инструкции потолковать – не называя, однако, меня – со стариками и подготовить казачье общественное мнение в Бекешевской станице к возможности в недалеком будущем восстания против власти большевиков.

Для того чтобы убедиться лично в настроениях казачества Пятигорья, я решил совершить поездку по некоторым станицам. На Страстной неделе, в двадцатых числах апреля, наняв в качестве извозчика одного преданного мне человека, занимавшегося до большевизма отнюдь не извозным промыслом, и в сопровождении моего бывшего подчиненного, есаула Мельникова, ранним утром выехал я в эту разведку. Ввиду того что при налаженности большевистского сыска мое длительное отсутствие могло бы навлечь подозрения агентов, нам нужно было обернуться туда и обратно в одни сутки. Мы с Мельниковым решили именовать себя приказчиками скупщиков шерсти, каковые действительно в то время разъезжали по краю в поисках товара.

Первоначально мы заехали в станицу Бекешевскую, к Науму Козлову, узнать от него, что и как. У него взяли на всякий случай винтовки, которые тщательно запрятали под подушки нашей линейки. Оттуда отправились в станицу Бургустанскую, где остановились выпить чаю у одного зажиточного казака, доброго знакомого нашего возницы. Слово за словом разговорились по душам с любезным хозяином, продолжая, однако, тщательно хранить наше инкогнито. Нарисованная этим казаком картина бесчинства совдепских деятелей вполне совпадала с тем, что мне рассказывал Наум Козлов. Определяя настроение казачества, наш хозяин категорически высказывался за неизбежность поголовного восстания казаков против советского строя и скорбел лишь о том, что ввиду отсутствия общего руководителя, могущего возглавить таковое, оно может вылиться в ряд разрозненных бунтов, могущих быть подавленными каждый отдельно, причем много казачьей крови прольется напрасно. В общих чертах, весьма осторожно, я сообщил ему, в свою очередь, что скоро явится человек, который подымет и организует казачество; пока же необходимо терпеть без протестов гнет большевизма, осторожно объединяя верных людей. Хозяин очень обрадовался тому, что я ему рассказал, и взялся за подготовку общественного мнения в своей станице.

Оттуда мы поехали в большую станицу Баталпашинскую, бывшую главным административным центром Баталпашинского отдела. Там жил один из офицеров моего партизанского отряда, сотник Тарасов (фамилия вымышленная), у которого на руках оставалось несколько тысяч казенных денег. Дело в том, что, покидая отряд близ Казвина и не желая, чтобы казенные деньги были захвачены «товарищами» и пошли на усиление большевизма, я роздал их офицерам отряда, с обязательством вернуть мне по первому моему требованию впоследствии.

Часов в пять вечера, сделав более 70 верст и совершенно изморив лошадей, подъехали мы к Баталпашинской. Я не знал адреса Тарасова и не был даже уверен в том, что он не расстрелян еще большевиками. Чтобы узнать все это, мы пустились на хитрость. Подъехав к колодцу, этому клубу прекрасной половины станичного населения, и напоив лошадей, мы пустились судачить с казачками, притворяясь торговцами, едущими в Ставрополь за хлебом. Узнав адрес Тарасова, мы имели попутно возможность убедиться в том, что казачки весьма неодобрительно отзывались о существующем строе, именуя его арестантским, каторжным и тому подобными поносительными эпитетами. Затем мы выехали на окраину станицы и спрятали нашего возницу вместе с линейкой и конями в необитаемом саду моего попутчика, есаула Мельникова, который был сам жителем станицы Баталпашинской, но, опасаясь расправы со стороны большевиков, скрывался в Кисловодске; сам Мельников, опасавшийся быть узнанным одностаничниками, спрятался в том же саду.

Когда стемнело, я отправился к Тарасову. На мой стук в щеколду выскочил маленький мальчик, его сын; он объяснил, что папаша ушел на речку удить рыбу и скоро вернется

к ужину. Я решил дожидаться. Во дворе меня встретила жена Тарасова. Несмотря на весь мой маскарад, она сразу опознала меня и положительно обомлела от ужаса. Придя в себя, чуть не на коленях стала умолять меня уехать скорей и не губить ее мужа; говорила, что он уже подвергался многократным обыскам и был даже арестован и что если кто-либо из живущих поблизости большевиков узнает, что я заходил к нему во двор, то гибель всей их семьи неизбежна. В это время пришел и сам сотник; он тоже сильно струсил, увидев меня, поспешно вернул мне потребованные от него деньги и явно стремился выпроводить меня поскорее. Однако я успел выведать от него, что в Баталпашинской не только большинство казаков, но и многие иногородние из тех, кто позажиточнее, ненавидят большевиков и мечтают о свержении советской власти, а учитывающие это настроение коммунисты стараются застраховаться путем арестов, террора и беспощадных расстрелов, от которых уже погибло множество офицеров и наиболее видных казаков. По станице ходят слухи, что полковник Шкуро скоро подымет восстание и казаки очень на меня надеются.

Уходя от Тарасова, я попросил его немедленно послать жену Мельникова в их подстаничный сад, где ее ожидает спрятанный там муж. Вернувшись к своим попутчикам, я застал их кормящими коней. Лошади были так утомлены, что необходимо было дать им несколько часов отдыха, прежде чем пускаться в обратный путь. Вскоре пришла в сад жена Мельникова. Она страшно обрадовалась своему мужу, которого, не имея давно известий о нем, готова была уже считать погибшим. Она рассказала, что среди станичников идет слух, будто бы полковник Шкуро находится в станице и ходит по дворам, переодетый нищим, и поет песни, призывающие казаков к восстанию. Расспросив Мельникову и не желая нарушать интимности ее свидания с мужем, я залег спать под деревьями. Вдруг, часу в третьем ночи, едва стало сереть небо, в сад прибежала запыхавшаяся старуха-казачка.

– Мельничиха тут?

– Тут.

– Пусть ваши утекают скорее. В совдепе суматоха. Говорят, что полковник Шкуро в станице. Скачут конные, всюду обыски, похватили многих офицеров. Уже пошли патрули по садам.

Мы бросились запрягать лошадей, перекрестились и, с винтовками в руках, провожаемые благословениями перепуганных женщин, выехали на дорогу. Только что поднялись на гору, как увидели патруль из шести вооруженных конных, которые, заметив нас, с криками: «Стой, стой!», помчались к нам. Мы с Мельниковым открыли по ним огонь, а возница наш ударил по коням.

Не ожидая такой встречи, патрульные остановились и, в свою очередь, стали стрелять по нам. Мы свернули на небольшой полевой проселок и помчались по нему карьером, часто меняя направление. Благодаря пересеченной местности и нерешительности наших преследователей мы скоро оказались вне опасности. Объехали станицу тылами и по дороге перерезали во многих местах телефонную линию между станицами Баталпашинской и Бекешевской. Затем, вернув винтовки Науму Козлову, мы спокойно поехали через Бугурусланскую в Кисловодск, вступая в разговоры с работавшими на полях казаками. Не доезжая Кисловодска, куда прибыли ночью, мы с Мельниковым разошлись поодиночке в разные стороны.

Пасха прошла спокойно. На Фоминой неделе я вышел однажды прогуляться по парку. Я не был загримирован, но по покрою своей одежды смахивал скорее на мастерового средней руки. В одной из аллей мне встретилась группа людей, человек семь, обвешанных дорогим оружием и одетых в новенькие, нарядные черкески. Поравнявшись со мною, они остановились. Я посмотрел на них и встретился глазами с бывшим некогда у меня сотенным фельдшером Гуменным. Он торопливо позвал к себе какого-то человека семитского типа и с револьвером за пазухой и что-то сказал ему. Прикинувшись равнодушным, я зашагал было дальше, но еврей догнал меня.

– Вы полковник Шкуро? – спросил он меня.

Чувствуя, что дело дрянь, но отпираться нелепо, раз я уже опознан Гуменным, я ответил утвердительно.

– Вас хочет видеть Главнокомандующий революционными войсками Северного Кавказа товарищ Автономов...

Я последовал за евреем. Отделившись от группы, Гуменный подошел ко мне:

– Разве вы не узнаете меня, господин полковник? Я ваш бывший сотенный фельдшер Гуменный. Помните, может быть, когда вы формировали в Полесье ваш партизанский отряд, я пришел проситься к вам. Вы же мне изволили тогда ответить, что «мне в отряде сволочи не надо».

– Что-то не припоминаю, – возразил я, хотя прекрасно помнил этого вечного жалобщика и клязника, бывшего в постоянной оппозиции к начальству, имевшего, однако, сильное, но скверное влияние на казаков.

– Позвольте вас представить нашему Главкому – товарищу Автономову.

Считая в душе, что все это – глумление и что сейчас меня потащат к стенке, я тем не менее посмотрел внимательно на Автонома. Он был сотником 28-го казачьего полка. Светлый блондин, маленького роста, лет 26 с виду, он производил впечатление человека неглупого и сильной воли. Не привыкший к шикарной черкеске с красным башлыком, Автономов как-то путался в ней и несколько проигрывал от этого.

Мы поздоровались.

– Я много слышал о вашей смелой работе на фронте, господин полковник. Рад познакомиться с вами, – сказал мне Автономов. – Хотел бы побеседовать с вами по душам. Не откажите сказать ваш адрес, и, если вас это устраивает, мой адъютант зайдет за вами сегодня часов в восемь вечера. Вы придете с ним ко мне в бронепоезд, и там мы поговорим. Было бы желательно, чтобы вы пригласили с собою кого-либо из старших, компетентных офицеров по вашему выбору.

Я обещал, и мы расстались.

Когда я вернулся домой и рассказал об этой встрече жене, она пришла в отчаяние, уверенная, что теперь мне крышка.

Глава 8

Посещение мое Автономова. – Свидание генералов Радко-Дмитриева, Рузского и мое с Автономовым в Ессентуках. – Митинг в Ессентуках. – Посещение мое Радко-Дмитриева и визит ему Автономовым. – Возвращение в Кисловодск.

Адъютант Автономова, – бывший писарь из казаков, – явился ко мне в восемь часов вечера, и мы со Слащовым и Датиевым пошли в бронепоезд Главковерха, стоявший у самой платформы станции Кисловодск. У дверей вагона стояли на часах большевистские часовые.

Нас ввели в роскошный салон-вагон, где стоял богато сервированный и украшенный цветами стол. Автономов любезно встретил нас и познакомил с несколькими находившимися в салоне хорошенькими дамами, которых он назвал сестрами милосердия. Тут же находился его начальник штаба Гуменный, не оставлявший нас ни на минуту с глаза на глаз с Автономовым, и брат Автономова, кадет лет 14 из Новочеркасского корпуса.

За обедом Автономов рассказывал весьма ярко и образно о том, что казачество недоброжелательно большевизмом. При этом проглядывало его несколько ироническое отношение к советской власти. Он высказал мнение, что крупной ошибкой со стороны большевистских Главварей было их неумение привлечь на свою сторону офицерство, которое сидит по тюрьмам и истребляется бессудно. Опасаясь с его стороны какой-либо провокации, мы вели себя весьма сдержанно.

После обеда Автономов пригласил меня со Слащовым в кабинет, предварительно распростившись с Датиевым. Гуменный, конечно, последовал за нами.

– Моя главная задача, – начал Автономов, – помирить офицерство с советской властью для того, чтобы начать борьбу против немецких империалистов, по-прежнему в союзе с Антантой, и добиться отмены позорного Брест-Литовского мира. Если немцы доберутся теперь до Кубани, где имеются громадные запасы всякого рода, то это их чрезвычайно усилит. Я прошу вас, господа, помочь мне в этом отношении. Не думаю, конечно, сохранить за собою должность Главкома. Было бы желательно пригласить на этот пост генерала Рузского или Радко-Дмитриева. Я же с удовольствием откажусь от ненавистной мне политической деятельности и по-прежнему готов служить младшим офицером. Можно ли было бы в этом случае рассчитывать на поддержку офицеров?

Я возразил, что офицеры боятся довериться советской власти; офицерство не имеет даже возможности собраться, чтобы обсудить подобный вопрос, ибо рискует при этом арестом или даже расстрелом; оно обезглавлено, обескровлено и вынуждено терпеть, но рано или поздно восстанет вместе с казачеством и сбросит советское иго.

– Да, это трудная задача, – согласился со мной Автономов, – тем более трудная, что, с другой стороны, вследствие Корниловского добровольческого похода солдаты смотрят на всех офицеров как на контрреволюционеров и совершенно им не доверяют. Дело осложняется еще тем, что донской атаман Краснов, поддерживающий, в свою очередь, добровольцев, является германофилом. Но если Рузский или Радко-Дмитриев согласятся возглавить Красную армию, действующую против немцев, то генерал Алексеев и Деникин едва ли пойдут против нее.

Затем он рассказал, как защищал красный Екатеринодар от атаковавших его добровольцев под начальством генерала Корнилова. По его словам, Екатеринодар в феврале должен был быть оставленным вследствие больших потерь среди красных войск и неудержимой стремительности добровольцев. Уже Автономовым был отдан приказ об эвакуации города, когда пришла весть, что Корнилов убит и добровольцы отходят. Когда генерал Боровский ворвался в город и проник до Сенного базара, пришлось для отражения его и ввиду полного

израсходования резервов хватать, вооружать и пускать в бой первых попавшихся, встреченных на улице людей; конечно, этот сброд совершенно не мог противостоять добровольцам. Ввиду деморализации красных войск не могло быть и речи об энергичном преследовании кадет. Озлобленные жестокими потерями, большевики выместили свою злобу на буржуазной части населения Екатеринодара, выволакивая на улицу и убивая всех, кто им попадался на глаза.

«Несмотря на все мои усилия, я не был в состоянии в течение почти трех дней прекратить это безобразие, равно как и глумление над трупом Корнилова, который “товарищи” откопали, долго таскали его голым по улице и сожгли в конце концов. За оборону Екатеринодара я получил свой нынешний пост, но советские воротилы не считаются со мною. Командующий Таманской армией Сорокин совершенно согласен со мною в необходимости вновь организовать настоящую русскую армию».

Затем Автономов распростился со Слащовым. Меня он просил остаться еще и пройти поужинать в Курзал. Меня это совершенно не устраивало; я опасался, что подобная демонстрация моей короткости с большевистским Главверхом дискредитирует меня во мнении офицеров и казачества и повредит успеху восстания, которое я подготовлял. Мне даже пришлось в голову, не эту ли именно цель преследовал Автономов в своем сближении со мной. Впрочем, я был вынужден отказаться от этой мысли, – ведь был совершенно во власти Автономова, и приказав расстрелять меня, он гораздо надежнее обезвредил бы меня, и притом без всякой возможности реабилитации с моей стороны. В таком случае оставалось думать, что Автономов желал показать казачеству свою близость со мною, чтобы несколько примирить его с собой. Как бы то ни было, но близость Автономова к контрреволюционерам не прошла впоследствии безнаказанно для него.

Поужинали мы в Курзале, причем мне казалось, что меня пытались подпоить. Я же, ссылаясь на болезнь почек, совершенно отказывался пить что-либо. Автономов и Гуменный изрядно подпили, расхлябались и стали уверять меня в своей любви к казачеству. Гуменный изъяснялся в своем расположении ко мне. По его словам, на него было возложено поручение разоружать у станицы Невинномысской возвращавшиеся с фронта казачьи эшелоны. При этом он имел предписание расстрелять меня без суда, о чем, в свою очередь, дал телеграммы по станциям. От хоперцев Гуменный (сам хоперец) слышал, что я бежал в Багдад, но другие казаки говорили, что я жив, скрываюсь в лесах и организую казачество для восстания против советской власти. Затем Гуменный стал высказывать те же мысли, которые излагал Автономов: о желательности примирения с офицерством и казачеством, о мире с добровольцами и необходимости продолжения борьбы против немцев.

В бронепоезде Автономов сделал мне теперь решительное предложение: начать немедленно вербовку офицеров и казаков и формирование партизанских отрядов на Кубани и Тереке для предстоящей борьбы с немцами, в чем он обещал мне полное свое содействие и выдал письменный мандат за своей и Гуменного подписью. Согласно этому мандату, все совдепы, комиссары и местные власти под угрозой расстрела обязаны были оказывать мне полное содействие во всех моих требованиях и во всем идти мне навстречу. Я поднял вопрос об оружии. Автономов объяснил мне, что он едет на днях в Екатеринодар, где совместно с Сорокиным арестует местный ЦИК и пришлет мне затем в бронированном поезде 10 000 винтовок, пулеметы и миллион патронов, а также крупную сумму денег. Я же должен обязаться гарантировать ему и Гуменному жизнь и прощение со стороны белых войск в случае удачного осуществления его планов. Автономов хвалился, что он уже при посредстве Гуменного передал Добровольческой армии на станции Тихорецкой несколько составов с вооружением. Из последующего рассказа его о численности и дислокации Добровольческой армии я убедился, что разведка у него была поставлена образцово.

– Добровольцы нас непременно поколотят, несмотря на свою малочисленность, – сказал Автономов, – ибо население ненавидит большевиков, а белых оно не знает и склонно их идеализировать. Быть может, впоследствии и большевистский режим окажется не таким, за который его склонны считать.

В это время вошел адъютант Автономова и доложил, что приехал председатель Совета народных комиссаров Терской республики товарищ Буачидзе. Автономов попросил меня перейти в салон и принял Буачидзе. Я слышал происходивший между ними разговор. Буачидзе приехал встревоженный прибытием на станцию Армавир отряда некоего Беленкевича, которого он именовал бывшим полковником. Отряд этот состоял преимущественно из донцов, калмыков и китайцев, щеголял своей дисциплинированностью и даже отдавал честь своим офицерам, так что население даже считало его прорвавшимся отрядом контрреволюционеров. Беленкевич арестовал ЦИК и забрал все деньги. Теперь он направляется во Владикавказ. Что делать?

– Я знаю этого мерзавца, – был ответ Автономова. – Он вовсе не полковник, а жид, бежавший из боя во время операций против немцев у Таганрога. Предложите ему разоружиться! В случае же отказа поставьте орудия на пути, разбейте паровозы и перестреляйте их всех из пулеметов...

Буачидзе уехал. Автономов вновь пригласил меня в свой кабинет. Пользуясь случаем, я попросил Автономова походатайствовать за бывшего Кубанского наказного атамана – генерала Бабыча, у которого большевики производили частые обыски и вообще стремились всячески унижить старика, прослужившего верой и правдой 50 лет и которому теперь поздно менять свои взгляды. Автономов тотчас же выдал мне на руки бумагу, в коей запрещалось кому бы то ни было беспокоить старого атамана. В четвертом часу утра распростился я наконец с Автономовым, причем он просил меня прийти к нему завтра в 9 часов утра вместе со Слещовым и Датиевым, для того чтобы ехать совместно на митинг в Эссентуки, а оттуда на собеседование с генералами Рузским и Радко-Дмитриевым.

Страшно утомленный от громадного нервного напряжения, ибо мне приходилось все время быть начеку, и не веря в душе ни одному слову из того, что мне говорили Автономов и Гуменный, вернулся я домой, где моя жена оплакивала меня, думая, что я уже расстрелян. Проворочавшись несколько часов в постели без сна, я зашел в девятом часу утра к жившим со мной в одной гостинице Слещову и Датиеву. В указанное время мы вновь пришли втроем в бронепоезд Главнокомандующего революционными войсками Северного Кавказа – товарища Автономова. В начале десятого часа бронепоезд его тронулся на Пятигорск. На Эссентукском вокзале, куда подошел бронепоезд Главковерха, его уже ждали многочисленные комиссары. Среди них были Ной Буачидзе, председатель наркомов Терской народной республики; Булэ, председатель Пятигорского совдепа, – взяточник и вор, славившийся своей жестокостью; Фигатнер, терский военный комиссар из народных учителей, а также терский комиссар внутренних дел, еврей, идейный большевик и культурный человек, пользовавшийся симпатиями населения за свою внимательность к арестованным и доступность, и Лещинский, энергичный, умный и хитрый еврей, присланный из Москвы для сбора контрибуции с буржуазии. Автономов познакомил нас; пришлось подать им руку.

Во время представления кто-то из комиссаров назвал меня «товарищем». Я запротестовал и объяснил, что приглашен сюда не в качестве товарища, а в качестве полковника. Услышав мои слова, Автономов поддержал меня и просил комиссаров называть меня по чину. Кто-то из комиссаров поехал на автомобиле и привез генералов Рузского и Радко-Дмитриева. Оба генерала были в весьма скромном штатском платье и выглядели постаревшими. Радко-Дмитриев имел вид больного человека. Он держался сдержанно и с достоинством. При их входе в салон все встали. Автономов обратился к генералам с приветственной речью, именуя их почтительно «Ваше превосходительство» и прося помочь спасти погибающую от надви-

гающей со стороны немцев опасности Россию и объединить своим именем офицерство на этот подвиг. Оба генерала, заметно державшиеся выжидательно, ответили несколько неопределенно, что они не прочь помочь в этом деле, но интересуются узнать, какими силами располагает Автономов.

Тут, по приказанию Главковерха, выступил вперед Гуменный и стал довольно грамотно докладывать боевой состав и дислокацию войск. С его слов могло показаться, что Красная армия находится в очень благоприятном положении и является грозной силой. Однако Автономов часто прерывал докладчика и вносил поправки, свидетельствующие о том, что он отнюдь не разделял оптимизма своего начальника штаба. Автономов особенно подчеркивал совершенную недисциплинированность красноармейцев и полное отсутствие надлежащего командного состава. По окончании доклада Гуменного молчавшие до сих пор терские комиссары вставили несколько слов, в том смысле, что для реорганизации армии у них деньги найдутся и они постараются со своей стороны привлечь офицерство. Генералы Радко-Дмитриев и Рузский стали прощаться, и Автономов, извинившись, что за отсутствием времени не может представиться на дому им обоим, просил генерала Рузского быть в час дня у Радко-Дмитриева, куда он приедет с визитом. После отъезда генералов заседание продолжалось.

– Нужно пригласить одного из них на пост командующего армией, – сказал Автономов.

Полковник Датиев высказал мнение, что желательнее пригласить Радко-Дмитриева, который, как ярый германофоб, более популярен среди офицеров, чем генерал Рузский, а также что генерал Радко-Дмитриев, как болгарин, стоит вне партий в русской Гражданской войне. Большинство заседавших согласилось с тем, что генерал Радко-Дмитриев является подходящим для занятия поста командарма, но некоторые из терских комиссаров возражали на это, заявляя, что народ не верит больше ни генералам, ни кадровым офицерам и что необходимо образовать новое офицерство, вышедшее из недр самого народа. Слащов оспаривал это мнение и настаивал на том, что новые офицеры будут неопытными в военном деле и потому бесполезными; Автономов и мы с Датиевым горячо поддерживали Слащова.

В конце концов было постановлено, что офицерам будет предоставлена возможность собраться на съезд в Пятигорске для обсуждения их отношения к вопросу о вступлении офицерства в имеющуюся быть реформированной Красную армию. Затем мы все отправились на митинг в Эссентукский парк, где уже собралась масса народу, и в том числе немного казаков. Автономов выступил с речью, в которой доказывал, что происходящая Гражданская война есть не более как результат недоразумения и что ввиду общего грозного врага – немцев – все слои общества должны объединиться, забыв прежние распри. Он призывал всех к взаимному примирению и доверию к офицерству и казачеству. Речь его была красиво построена и хорошо сказана. Видно было, что она понравилась слушателям, но, однако, не могла рассеять взаимного недоверия и антагонизма, уже успевшего пустить прочные корни. Несколько простых казаков взяли, в свою очередь, слово.

– Какое может быть у нас, казаков, к большевикам доверие, – сказал один из них, – когда они нас обезоруживают. В нашей станице понаехавшие красноармейцы поотымали даже кухонные ножи.

– Вы просите, чтобы мы выставили полки, – возражал другой, – а потом заведете наших детей невесть куда на погибель.

Вообще из выступлений казаков у меня создалось впечатление, что они совершенно не склонны доверяться большевистским зазываниям и даже приход немцев считают меньшим злом, чем владычество большевиков. После митинга я со Слащовым и Датиевым отправились к Радко-Дмитриеву. Он занимал скромный, маленький домик около парка. Супруга генерала была очень встревожена тем, что ее муж стал объектом внимания со стороны большевистских заправил. Мы успокаивали ее, как могли.

– Я не могу им верить, – сказал мне генерал Радко-Дмитриев. – При первой же неудаче они обвинят меня в контрреволюционности или измене и расстреляют. Не думаю также, чтобы генералы Алексеев и Деникин согласились пойти на сговор с этими мерзавцами.

Пришедший в это время генерал Рузский высказывал аналогичные взгляды:

– Кроме того, ведь у них нет ничего мало-мальски похожего на то, что мы привыкли понимать под словом армия; как же с этими неорганизованными бандами выступать против германцев?

Мы со Слащовым возражали, что все-таки необходимо организовать армию; это даст нам возможность произвести переворот.

– У нас имена слишком одиозные, и нам невозможно начинать это дело, – возражали оба генерала. – Беритесь вы за это дело, а если у вас что-либо наладится, то, может быть, и мы согласимся впоследствии возглавить армию.

В это время приехали Автономов и Гуменный. Первый стал уговаривать Радко-Дмитриева принять на себя командование имеющейся сформироваться армией, но тот, а за ним и Рузский решительно отклонили это предложение, ссылаясь на старость и болезни. Впрочем, Радко-Дмитриев сказал, что если здоровье его поправится и офицеры, поступающие в армию, будут пользоваться всеми присущими этому званию прерогативами, то он, может быть, еще пересмотрит впоследствии свое решение. На этом мы и расстались. Затем в бронепоезде Автономова мы уехали обратно в Кисловодск.

Автономов пробыл в Кисловодске сутки и опять выступал на митинге на те же темы, что и в Ессентуках. Затем он уехал в Екатеринодар. После этого я его никогда больше не встречал.

Глава 9

Мой арест в Кисловодске. – Владикавказская тюрьма. – Случайное освобождение из нее и бегство в Кисловодск и в горы.

Имея в руках мандат Автономова, предоставлявший мне широкие права, я горячо принялся за организацию казачьих отрядов. В гостинице «Гранд-Отель», где я жил, ко мне стали приезжать ходоки от разных станиц Терека и Кубани, с которыми я вел долгие переговоры. Они единодушно настаивали, чтобы под тем или другим предлогом я раздобыл им оружие, а затем предлагали ударить на советскую власть; я же просил их, главное, быть осторожными и не скомпрометировать преждевременно нашу идею.

Приходилось во многих случаях щупать почву. Многие депутаты из Совдепа особенно интересовались вопросом: какую позицию займет новая армия относительно Добровольческой армии Алексеева и Деникина? Я возражал, что политические дела не входят в мою компетенцию и, вероятно, ЦИК сумеет сговориться с Добровольческим командованием. Если же соглашение достигнуто не будет, то что же – придется нам сразиться и с добровольцами.

Тем временем в Пятигорске собрались офицеры и своим старшиной выбрали прославившегося партизанскими действиями в Японскую войну генерала Мадритова. У них возник вопрос о необходимости кодификации новых уставов, где были бы приняты во внимание идейные завоевания революции и которые бы строго регламентировали правовое положение офицеров и их взаимоотношения с солдатами. Для этой цели была выбрана комиссия, которая, с Мадритовым во главе, выехала во Владикавказ, чтобы работать там в сотрудничестве с большевистским правительством Терской республики.

Я совместно со Слащовым и капитаном гвардии Сейделером тщетно добивался выдачи оружия для казаков. Под предлогом, что под рукой нет складов такого, комиссар по военным делам предлагал мне собрать отряды и отправить их в Тихорецкую, где они будут вооружены из имеющихся там складов. Терские комиссары согласились, однако, на возвращение терским казакам их шашек и кинжалов. Но отобранное в свое время у казаков дорогое, выложенное золотом и серебром, оружие так и не было им возвращено. Я передал по станицам, чтобы в начале мая казаки, желающие поступить в формируемые мною отряды, собрались на сборный пункт в станицу Кисловодскую. Председателем Кисловодского совдепа состоял некто Тюленев; это был левый коммунист из монтеров, страшно ненавидевший буржуазию и офицерство, человек в высшей степени дерзкий и грубый. Он, как сторонник углубления классовой борьбы, относился весьма недоверчиво к затеянному Автономовым примирению и всюду это высказывал. Меня Тюленев считал заведомым контрреволюционером, не доверял мне совершенно и всячески препятствовал моей работе, а также восстанавливал против нашего дела и других членов Совдепа.

Однако у нас был свой человек в секретариате Совдепа, который извещал нас о всех шагах Тюленева. Вдруг он уведомил нас, что им получена телеграмма из Екатеринодара, сообщающая, что Автономов арестован за заговор против советской власти, приказано арестовать всех, у кого есть какие-либо мандаты за его подписью, и что Тюленев требует на этом основании моего ареста. Тотчас же я созвал совет из Слащова, Датијева и Сейделера: что делать? Вдруг получилось новое известие: в Совдепе тревога... большевистский разъезд между Бургустанской и Кисловодском наткнулся на бивак казачьего отряда и был им обстрелян. Прибегает поручик Бутлеров:

– Спасайтесь, полковник, решено вас арестовать!

На один момент мы решили было уже бежать, тем более что лошади для нас были уже приведены из станицы и спрятаны поблизости. Но бегство мое было бы сочтено большеви-

ками как признание контрреволюционности моих намерений. И это в то время, когда организация отрядов была не закончена, оружие отсутствовало и время для восстания, в связи с движением Добровольческой армии, еще не созрело. Я решил отправиться сам в Совдеп, идти напролом и попытаться спасти дело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.